

==== Владимир ГУЗИЙ ====

г. Тында

ПЕРВАЯ КАЛИТКА

Живем романтикой таежной
И доверяем всем вокруг.
Поселок новый, молодежный, —
Здесь первый встречный —
первый друг.

Пойдем за нами, житель новый,
Пускай ты вовсе не знаком.

И не ворчи, что нет спиртного, —
По трассе всей — «сухой закон».

Вот на друзей красивых, дерзких,
Тебе, товарищ, повезло.

И яблочк глянцеваых, венгерских,
У нас в авоське пять кило.

А для горячего напитка —
Две пачки чая, два котла.

Но что за новость?

Да. Калитка...

В поселке нашем?

Ну, дела!

Выходит, целый месяц зря я
Считал друзьями всех подряд?

Здесь нам уже не доверяют?

От нас заборы городят?

Вот нам и первая улитка

На винограднике надежд.

Вот нам и явная попытка

Отбить романтиков — невежд.

А ведь у нас богатств несметно:
Туманы, сопки, реки, даль...
А тут за шторкой все конкретно:
Ковры, рубли, резной хрусталь.
Калитку прочную наладив,
Живи улиткой в закутке.
Мы не пройдем. Спокойно, дядя!
Твоя калитка на замке.
А мы пройдем с друзьями в дымку
По свежим травам и цветам
С гитарой доброю в обнимку
И сеткой яблок «джонотан».

ПЛАСТИНКА БРАМСА

Глухою олекминской ночью
Диск черной пластинки закружит.
И словно точильщик отточит
Мою загрубевшую душу.

Сырой, неуютный вагончик
И публика, в общем, простая.
Последняя скрипка закончит, —
Опять от начала поставят.
Парням надоели отчаянно
Лихие стихи про дорогу.
Купили пластинку случайную,
Теперь оторваться не могут.

Мелодия эта печальная,
Стекая из-под иглы,
В пару отразится над чайником,
Заденет в углу топоры

И скатится в просеку свежую,
Звеня по некрепкому льду,
К последнему следу медвежьему,
Последнему в этом году.
Сквозит перспективою мглистою
Разрезанная тайга,
И плещется музыка чистая
В березовые берега.

И я уже слышу — не слышу,
Прижавшись к холодной стене,
То дальше, то громче, то тише,
Во сне и еще не во сне,
Как будто бы снежные люди
Глядят и стучат к нам в окно...
А утром ребята разбудят,
Ругаясь, что снега полно.

Но в снежное это начало
Скажу, фантазируя малость:
— То музыка выход искала,
Наплакалась да и осталась.

ПИРОГ

В Кичере, вьюгой занесенной,
На перекрестке двух дорог
Мне Слава встретился Аксенов.
Он на салазках вез пирог.

Вот это вещь! Скажи на милость —
Какой размах! Какой размер!
И как роскошно раскрутилась
Спираль небесных, грозных сфер!

Но пришла в палатки
залетной сказкой
Телеграмма,
сдержанно-горяча:
«Дежкину Сергею.
Люблю. Согласна.
Вылечу пятнадцатого.
Встречай».
И десантник Дежкин
бежит к прорабу:
— За невестой надо
«Урал» послать бы.
До прораба просьба
доходит слабо:
— Тут десант. Работа.
Какие свадьбы?!
А в окно врывается
рев пилорамы,
И весенний ветер
с Угрюм — реки
Со стола сметает
отчеты, планы.
Но упрямым начальник:

— Жениться рано.
Здесь работать будут
холостяки.
Да где вам жить-то?
— Я дом построю!
— У меня нет леса.
— Я сам срублю!
— Где жене работать?

— Да я устрою!
— По какому праву?
— Да я люблю!
И по праву счастья,
 по праву власти,
Вся насквозь продумана
 и ясна,
Крепкий лед ломая,
 идет по трассе
Чистая,
 сверхплановая
 весна!

ПОСЛЕДНЕЕ ЗВЕНО

Вот и все. Замкнулось полотно,
И последний выложен портал.
«Золотое» светится звено.
Ты об этом десять лет мечтал.

И когда оркестр громом брызнет,
Ты поймешь, что в ливнях и в пыли
Лучшую дорогу нашей жизни
Мы с тобою вовремя нашли.

Нам бывало трудно много раз,
Но теперь спокойно оглянись:
Стройка обошлась бы и без нас,
Нам же без нее не обойтись.

И куда судьба нас ни забросит,
В памяти останется всегда:
В утреннюю свежесть наших просек
Робкие заходят поезда.

Первый поезд начал свой разбег.
Он сюда шел медленно и долго.
На щеках колючий тает снег.
Я не плачу. Это снег. И только.

Но когда оркестр громом брызнет,
Я пойму, что в ливнях и в пыли
Лучшую дорогу нашей жизни
Мы с тобою полностью прошли.

ВЕЧЕР В ИКАБЬЕ

А был же вечер в Икабье...
И не осенний, и не зимний...
После стыковки в октябре
Зазвали нас к себе грузины.

Поэты, барды и певцы,
Мы возвращались из Куанды,
Не то, чтоб главные творцы,
Но все же крепкою командой.

И, приглашение приняв,
Мы за столом собрались тесно,
И, первый тост за БАМ подняв,
Запели бамовские песни.

Еще от штурма не остыв,
Не осознав свою работу,
Мы пели про последний стык
И как утюжили болота.

Нам было жарко и легко.
Кого стеснятся, в самом деле?
И тут нежданно «Сулико»
Все враз хозяева запели.

И, речь родную услышав,
И, вспомнив дальнее, родное,
И, тост за Грузию подняв,
Запели рядом, за стеною.

И тут пошло, пошло, пошло:
К грузинам, добрым и открытым,
Гостей лавиною несло,
К столу тянуло, как магнитом.
Вино и тосты, и галдеж, —
Мы размахались как в духане.
Кто описал бы наш кутеж,
Так это только Пиросмани.

И хором всем руководил,
Напевы зная все на свете
Монтер Такидзе Автандил,
Живой крепыш из Кобулети.

И песня то ручьем текла,
То улетала птицей в выси
И от таежного стола
Летела в солнечный Тбилиси.

А вслед за теплым Тбилисо
Москву воспели голосисто:
И про Садовое кольцо,
И про румяных гимназисток.

И вслед за славною Москвой,
Конечно, спели «за Одессу»,
Про Учкудук — родник живой
И про Олесю из Полесья.

Тишь подмосковных вечеров,
Ширь необъятную Байкала
И Ленинград, и Кишинев
Нам память в песнях открывала.

И Волгу, что издалека
Течет, течет в хлебах высоких,
И казаков, и Ермака,
Что проложили путь к востоку.

Как много песен о стране,
Такой свободной и просторной,
В делах великой и в войне,
Речной, степной, таежной, горной!

И это было все о нас.
И набирали люди силы,
Когда все пели хором, враз
И «Крунк», и «Пущу», и «Нагилу».

Как будто пела вся страна
Одним бурлящим, общим домом.
Теперь на БАМе тишина,
Хоть много шумных, незнакомых.

Я проезжаю Икабью,
Я не нее смотрю особо
И тихо, шепотом пою
И «Сулико», и «Тбилисоба».

ПУШКИНСКИЙ ПРАЗДНИК В ТЫНДЕ

Жанне Ржевской

Вдруг в душе встрепенулось
Чудо давешних дней —
Клуб строителей «Юность»,
Цвет багульных ветвей,

Дым черемух
 распущенных,
Синих ирисов
 лезвия

И под профилем Пушкина —
Первый праздник Поэзии.

Все вокруг необжито,
Шквал проблем без конца,
Но поэтам открыты
Молодые сердца.

Как же слушают жадно,
Как вся публика ждет,
Когда Ржевская Жанна
О Кувыкте прочтет.

И, странички листая,
Широко-широко
Прямо с жару читает
Сам Олег Головки.

И поет про закаты,
Дождь, дорогу,
 бураны
Лейтенант желдорбата
Мощный Леша Капранов.

С тихой грустью во взгляде,
Тяготясь духом комнат,
Пузыревская Надя
Изыскателей вспомнит...

Где искать теперь многих
По чужим городам,
Когда нет уж дороги
Под названием БАМ?

Только юностью дразнит,
Манит жаром в крови
Первый Пушкинский праздник —
Праздник верной любви.

РАЗЪЕЗД БАЛБУХТА

*Александру Бондарю
и Ивану Варшавскому*

Как странно называется —
разъезд —
В таких словах звучат
печаль и жалость.
А ведь когда-то
мы сюда съезжались
Из самых честных,
самых громких мест.
И два укладчика,
как в море корабли,
Над волнами
последних
звонких звеньев

Так просто
и возвышенно несли
Нам звездные,
счастливые мгновенья.
Какие на стыковке
были краски!
Мостовики,
путейцы,
лесорубы
Шампанским
сладким
наполняли каски,
Как победитель
наполняет
кубок.
И пили
над рожденною
дорогой,
Как с первенцем
друг друга
поздравляя,
Надеясь,
что стыковок
будет много,
Не ведая,
что жизнь
пойдет иная.
Балбухта по-якутски значит
стланик.
И время, словно стланик,
прилегло,

Не принимая торжества
героев странных,
Пережидая,
словно холод,
злю.

Засыпана
история снегами.

Не помня
золотые времена,
Не помня
шумных праздников
на БАМе,

Забылась
отрешенная
страна.

Но мы-то живы,
хоть нас пригибали,
По-всякому
в газетах обозвав.

Но мы еще прорвемся,
как в начале,
Как стланик,
после холода
восстав.